

ГЛАВА 1

7 сентября 20... года.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info)

Вчерашний воскресный день ознаменовался торжественными мероприятиями, которые прошли в городском Парке культуры. Праздник был посвящен 125-летию основания Северосумска: именно к 7 сентября 18... года относится первое документальное упоминание о рыбацком поселении на том месте, где позже вырос наш город. В рамках торжеств состоялись народное гулянье, ярмарка ремесел, выступления самодеятельных творческих коллективов. Артисты городского драматического театра представили горожанам короткий спектакль о жизни первых строителей города, а завершился праздник концертом танцевального ансамбля «Морячок» и фейерверком. Почетными гостями мероприятия стали губернатор Михайловской области А.А. Пустовар, мэр Северосумска Б.С. Глотов, генеральный директор ОАО «Созвездие» П.Х. Бурый, президент ЗАО «Транспортная компания «Лига» П.М. Трок, а также другие руководители крупных компаний и бизнесмены города и области. Стоит отметить, что днем ранее мэр города Борис Саввич Глотов лично поздравил старейших жителей Северосумска, ветеранов войны и труда, которые, не жалея сил, сражались на фронтах Великой Отечественной войны и восстанавливали народное хозяйство в тяжёлые послевоенные годы. Все они получили памятные грамоты и праздничные продуктовые наборы.

Новости спорта

Победой северосумского «Судостроителя» завершился матч за третье место в финале чемпионата Михайловской области по футболу. Наша команда в упорной борьбе сломала сопротивление соперников, красногорского «Энтузиаста», и выиграла со счетом 2:1, завоевав бронзовые награды. Президент компании «Лига», которая является спонсором «Судостроителя», Петр Маркович Трок, поздравляя наших футболистов с этим успехом, сказал: «Уверен, что недалек тот день, когда мы будем отмечать победу «Судостроителя» в Лиге чемпионов!»

Криминальные новости

В ночь на 7 сентября около 5 часов утра на бульваре Новаторов нарядом полиции был задержан гражданин Ё., 35 лет, рабочий завода «Коммунар». Будучи в нетрезвом состоянии, Ё. устроил скандал в круглосуточном магазине сети «В двух шагах» и предпринял попытку открытого похищения бутылки пива и упаковки сушеных кальмаров. Прибывшие по вызову сотрудников магазина полицейские пресекли противоправные действия. Решается вопрос о назначении наказания в виде административного ареста.

В городе Михайловске при сбыте ранее похищенного колеса от автомобиля «КамАЗ» задержаны двое жителей Северосумска: 22-летний неработающий Ж. и 53-летний Ш., охранник супермаркета. Установлено, что они, действуя в соответствии с заранее продуманным преступным умыслом, ночью проникли на территорию ЗАО «Лига» и сняли одно колесо с грузового автомобиля. Осуществить свои планы полностью им помешала поднявшая тревогу служба безопасности предприятия, однако злоумышленникам удалось скрыться с похищенным. В настоящее время они дали признательные показания и отпущены до суда по месту жительства под подписку о невыезде.

Новости культуры

Удивительная находка была сделана в ночь на воскресенье при строительстве складского комплекса в районе старого торгового порта. Во время работ по расчистке территории и подготовке заглублений для котлована бригада экскаваторщиков обнаружила сле-

ды каменной кладки искусственного происхождения. Работа была немедленно остановлена, позже на место прибыли специалисты историко-краеведческого музея города Михайловска. Они с уверенностью определили, что найденное строителями сооружение не что иное, как остатки древней культовой постройки эпохи неолита. Дальнейшие раскопки, проводимые под руководством и контролем историков и археологов, позволили полностью очистить от грунта расположенное на трехметровой глубине капище круглой формы, стены которого выложены камнями, а также обнаружить на дне осколки керамической посуды и фрагменты орудий, возможно использовавшихся при отправлении религиозных обрядов. По мнению ученых, эта находка может иметь огромное значение: ведь вокруг культового сооружения обычно располагались жилища, а значит, речь может идти об открытии целого поселения времен позднего каменного века.

В настоящее время решением Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Михайловской области дальнейшее строительство в этом месте прекращено, а само культовое сооружение огорожено и взято под круглосуточное наблюдение. Получить комментарии Петра Марковича Трока, президента компании «Лига», совсем недавно начавшей реализацию масштабного проекта по созданию современного логистического терминала и реконструкции порта, нам не удалось.

* * *

На первый взгляд это была просто большая яма, черная, неровной округлой формы дыра в песчаном грунте. Такие копают, чтобы сбрасывать мусор. Его, собственно, и собрали со дна, когда раз за разом в сырую темную глубину спускались, а потом снова выбирались наружу, пыхтя и отдуваясь, собиратели и знатоки странных древних сокровищ: какие-то глиняные черепки с едва различимым рисунком, заостренные каменные осколки, окаменевшие обломки дерева, облепленные спрессованным песком, будто шершавым панцирем. Остатки забытой и брошенной кем-то утвари, ставшей ненужной еще шестьдесят столетий назад. Отбросы истории человечества. Кому это может понадобиться? Однако все было аккуратно и бережно

разложено на широких полосах плотной белой ткани, растеленной поверх комковатой грязи, и девушки в джинсах, ветровках, с волосами, забранными в хвост на затылке, нежными прикосновениями кисточек счищали с находок прилипший песок, подписывали и прикрепляли бумажные бирки, а бородатые мужчины, кряхтя, снова лезли в раскоп — с большими и маленькими лопатами, совками, жесткими щетками, пока, наконец, не расчистили капище полностью, обнажив грубую каменную кладку. Теперь яма смахивала на огромный, метра три в поперечнике, колодец, стены которого были выложены из черных и серых валунов, плотно пригнанных друг к другу. Не очень-то похоже на святилище, где собиралось все племя; скорее, на жилище шамана, бормотавшего там молитвы неизвестным богам, одурманенного дымом горящих трав, настоянками из черных ягод и красных грибов, который потом, выходя к своим соплеменникам, сообщал им волю духов или давно умерших предков, являвшихся ему в горячечном мороке. Удача на охоте в обмен на жизнь самой красивой девственницы; богатый улов за жизнь мальчишки, косо посмотревшего на служителя культа. Лучшая доля добычи и пышнотелые женщины, чтобы шаман согласился еще раз замолвить слово перед потусторонними силами.

Потом люди ушли, тщательно упаковав осколки и черепки в пластиковые пакеты; находкам предстояло отправиться из одной могилы в другую, сменив земляную яму на склеп в запасниках областного музея, где в темноте, на пыльных рядах бесконечных полок хранилось бесчисленное множество таких же, невероятно древних, немыслимо ценных и никому не нужных артефактов. Подземное капище накрыли низким куполом из плотного ярко-синего пластика; он был похож на хирургическую заплатку, которой наспех залатали открытую рану в развороченном грунте. Территорию вокруг обнесли наскоро поставленным железным забором: вбили столбы, прикрутили болтами коричневые металлические полотна — двести метров с востока на запад и пятьдесят — с юга на север. Со стройплощадки, частью изрытой, частью еще покрытой спутавшимися, стелющимися по земле стеблями упрямых северных трав, убрали почти всю технику; остался только один

коренастый бульдозер — стальной, молчаливый зверь, пришедший поклониться древнему капищу. С восточной стороны в ограде оставили проезд, перегороженный широкими стальными воротами, а рядом поставили будку охраны, чтобы не пускать посторонних. Раскопки планировалось продолжить: если есть святилище, то должно быть и поселение вокруг него, а значит, где-то в толще песчаного грунта есть еще немало осколков посуды, обломков наконечников стрел, гарпунов, каменных топоров, а если повезет, то отыщутся и кости их бывших владельцев.

Люди селились в окрестных местах издревле: молчаливые племена саами и бородатые лопари; суровые поморы; викинги, разбиравшие тут временные лагеря, чтобы возвращаться в них после набегов на окрестные поселения; ссыльные, каторжники, искатели приключений, беглецы от закона и вольноотпущенные крестьяне. В конце позапрошлого века в одной из бухт, которыми изрезано местное побережье, возник рыбацкий поселок Кривая Губа. В тридцатых годах века прошлого сюда пришли первые строители, ударники коммунистического труда, герои индустриализации, и скоро Кривая Губа превратилась в бурлящий механической жизнью крупный судостроительный центр с заводами, верфями и портом. На севере города воздвигали промышленные предприятия, на юге — рубили леса и рыли карьеры, чтобы добывать песок и расширять намытые морем отмели; повсюду строили деревянные бараки, каменные дома и железные дороги. Город рос. Название Кривая Губа сменилось на Северосумск, по имени реки Сумь, что впадала неподалеку в море, образуя дельту из десятков маленьких рек и речушек, словно изрядно излохмаченный конец корабельного каната окунался в стылую морскую воду. По южной окраине города протекала, крадучись и извиваясь, угрюмая речка Шукра, однако название Северошукрск если и могло прижиться в каком-нибудь языке, то уж точно не в человеческом, и город получил имя в честь главной реки края. В советские времена в Северосумске жили и работали почти двести тысяч человек: на кораблестроительном гиганте «Созвездие», судоремонтном заводе «Коммунар», в порту, а еще на военно-морской базе, расположившейся на полуострове Гре-

мячий. На Тройке — в третьем микрорайоне, что на восточной окраине города, даже построили несколько девятиэтажных панельных домов, из-за чего Тройка на некоторое время стала зваться Манхэттеном; в Заселье, на южном берегу Шукры, жили рабочие, трудившиеся на карьерах, и сотрудники местной ТЭЦ; на кривых узких улочках Слободки, примыкавшей к заводам, селились работники производств; городской центр назывался Рогаткой — наверное, из-за разделявшего надвое проспекта Ленина, огибавшего площадь с памятником героям войны, фонтаном и административными зданиями.

Четверть века назад все изменилось. Огромные предприятия вначале остановились, а потом были разворованы столь основательно, что восстановить их в полной мере так и не удалось. Жители стали разъезжаться по другим городам: кто в областной центр Михайловск, что в семидесяти километрах вверх по течению Суми, кто в Петрозаводск, а кто и в Петербург или в Москву. Теперь вместо строительства ракетных крейсеров и атомных подводных лодок «Созвездие», в котором едва теплилась жизнь, перебивалось сборкой речных прогулочных теплоходов, а на «Коммунаре» ремонтировали сухопутную технику, а еще резали на металлолом списанные военные корабли, которые в ожидании своей участи терлись ржавеющими бортами, стеснившись у старых верфей. Порт тоже пришел в упадок; таможенного терминала тут не было, так что весь поток зарубежных товаров направлялся в Михайловск, а на долю Северосумска оставалось лишь морское грузовое сообщение с российскими приморскими городами, расположенными еще дальше на севере, а таких было совсем немного. Военная база сократилась до небольшого гарнизона. Огромные песчаные карьеры на юге оказались заброшены и превратились в бездонные озера, наполненные непроницаемо темной водой, в которой отражались исполинские конусы ТЭЦ.

При взгляде сверху, оттуда, где кружили крикливые чайки, город похож был на лениво изогнувшегося морского зверя, лежащего на берегу и привязанного к суше тонкими редкими узлами железных и автомобильных дорог: полуостров Гремячий, как толстая шея, охватывал бухту с верфями и портом, а

каменный мыс, похожий на маленькую голову с острым носом, был нацелен на западные окраины. Зверь как будто пытался укусить себя за хвост — ну, или лизнуть промежность, кому какое сравнение ближе. Но сейчас его голова тянулась точно в сторону ямы с древней каменной кладкой: то ли чтобы понюхать, недоумевая, что за дрянь вдруг прилипла к хвосту, то ли чтобы скорей зализать, как гнойную рану.

* * *

Они приехали в Северосумск глубокой ночью. Вышли из поезда на узкую пустую платформу, блестящую от оседающей с неба мороси и водяной пыли, которую нес морской ветер; огни фонарей, белые и голубые, отражались и преломлялись в лужах, каплях воды на больших окнах вокзала, и казалось, что вокруг в синих сумерках рассыпаны яркие искры. Был май, но дыхание вырывалось из губ облачками легкого пара. Они постояли немного, вдыхая незнакомый воздух чужого города — холодный, влажный, соленый — пробуя его на вкус, знакомясь с тем местом, где собирались прожить... нет, ни один из них не мог бы сказать, как надолго намерен остаться здесь: может быть, всего лишь на месяц или даже неделю, а может, и на всю жизнь. Планов они не строили. И теперь, стоя в молчании на перроне, не знали, что делать дальше.

Они провели вместе сутки в купе поезда дальнего следования, в теплом, умиротворяющем уюте; ровно стучали колеса, за окном сменяли друг друга однообразные виды: деревни, поля, редколесья, озера, — и между ними возникла та особая близость, которая бывает у попутчиков в долгой дороге. Вопросов о том, что заставило их оставить родной город и уехать первым попавшимся поездом подальше от Петербурга, они не задавали; оба сказали друг другу, что хотят начать новую жизнь, и этого было достаточно. К тому же это было правдой, пусть и не всей. У каждого имелись свои причины для бегства, и о них ни один не решился бы рассказать никому. Зато Аркадий Леонидович много рассказывал о работе в университете, о студентах, смешных случаях на экзаменах и об удивительных событиях из истории разных стран и народов.

Карина говорила мало, но внимательно и с удовольствием слушала, а еще много улыбалась — впервые за двадцать шесть лет жизни — и даже один раз рассмеялась, удивив этим саму себя. Улыбаться оказалось очень приятно. Аркадий Леонидович ей нравился, и чем дальше, тем больше: умный, образованный, интеллигентный, взрослый — от него исходила какая-то особая, надежная и бережная сила, которая успокаивала и убаюкивала все тревоги. Это было похоже на силу отца, которую ощущает счастливый ребенок, но своего отца Карина не знала, да и счастливым ребенком она никогда не была; точно так же она никогда никого не любила и не имела опыта отношений с мужчинами, иначе бы поняла, что чувство, которое согревало ее изнутри, есть верный признак влюбленности.

Оказавшись на холодном пустынном вокзале, они растерялись. Сказка странствий закончилась, и оба ощущали себя беженцами, заброшенными куда-то на северный край земли, без дома, перспектив и надежд. В какой-то момент показалось, что они сейчас просто разойдутся в разные стороны; но вместо этого оба молча подхватили свои небольшие дорожные сумки и, не стовариваясь, вместе спустились с платформы и вышли в город.

Первую ночь в Северосумске Аркадий Леонидович и Карина провели в гостинице «Турист», что неподалеку от станции. Неприветливая пожилая консьержка с ярко-желтыми волосами, которые будто еще в прошлом веке были уложены в высокий кокон и до хруста залиты лаком, выдала им ключ — старый, железный, на огромном деревянном брелоке. В маленьком номере было холодно, пахло старой прокуренной мебелью, из крошечной ванной несло едким запахом хлорки. В окна бил ветер и крупные капли дождя. Простыни, на которые они вместе легли, истончились от множества стирок и были ледяными, как замерзшие руки, а одеяло кололось сквозь изношенный пододеяльник и почти не грело, так что им пришлось крепче прижаться друг к другу. Аркадий Леонидович ощутил, как настороженно напряглось тело Карины под тканью ночной рубашки, и он осторожно, чтобы не испугать, обнял ее за плечи. Она подождала немного, будто проверяя,

не случится ли чего страшного, потом расслабилась, придвинулась к нему ближе и уснула.

У Аркадия Леонидовича еще оставались кое-какие сбережения, и на следующий день он снял квартиру — впрочем, выбирать пришлось подешевле, так что они поселились в Слободке, на улице Красных Матросов, на первом этаже одного из построенных полвека назад пятиэтажных кирпичных домов, приземистых и угрюмых. Мебель на кухне почернела по кромкам от грязи, водопроводные краны хрипели и грохотали, вода в унитазе журчала не умолкая. В единственной комнате был старый сервант с пыльными чашками, большой круглый стол под желтой выцветшей скатертью, пара стульев, платяной узкий шкаф, накрытый кружевной салфеткой древний телевизор и продавленный раскладной диван на высоких деревянных ножках.

Теперь это стало их домом.

К счастью, у обоих были настоящие профессии, из тех, что нужны везде и всегда: преподаватель и медсестра. Карина сразу же устроилась в городской психоневрологический интернат, где старческое слабоумие постепенно гасило тускло мерцавшие искры разума немногочисленных обитателей. Там ее приняли с радостью, но не без удивления: «Из Петербурга? Работали старшей медсестрой в известной психиатрической клинике? Господи, зачем же вы сюда-то приехали?» Аркадий Леонидович тоже недолго сидел без работы: взявшись прозванивать по списку городские школы, он сразу же получил приглашение прийти на собеседование в школу №1 — как выяснилось позже, она не без оснований считалась лучшей в городе и находилась в центре, на Рогатке. В этом была некоторая доля везения: в конце учебного года сложно было надеяться вот так сразу найти место учителя, но оказалось, что как раз месяц назад оттуда уволилась преподавательница истории. Перед встречей с администрацией он волновался: это был первый раз, когда в государственном учреждении ему пришлось представляться своим новым именем, к которому и сам еще не вполне привык — хорошо еще, что изменились только фамилия и отчество. Но все равно очень трудно привыкнуть к тому, что Аркадий Романович Каль — имя, под ко-

торым он прожил сорок девять лет, — согласно официальным документам, погиб, превратился в обезображенный огнем и обломками рухнувшего дома труп, и возродился вновь как Аркадий Леонидович Майзель. Впрочем, все прошло более чем удачно. Документы, которые он получил перед бегством из Петербурга, были безупречны и даже соответствовали отчасти его реальному опыту и биографии. В разговоре с директрисой и завучем не обошлось без восторгов, в которых звучало изумление: «Кандидат наук? Преподавали в университете? В Петербурге? А теперь учителем, к нам?!» Аркадий Леонидович пустился в какие-то надуманные объяснения, но они не потребовались. Школа была небольшой, всего один класс на параллели, так что количество часов по истории едва дотянуло до ставки, но ему пообещали возможность вести факультативы, дополнительные занятия и взять классное руководство, если будет такое желание. Аркадий Леонидович согласился: его все устраивало, да и от дома недалеко, можно ходить пешком. Впрочем, весь Северосумск можно было без труда пройти пешком от восточной до западной окраины за два часа неспешной ходьбы. А с юга на север и вовсе за час.

Лето, правда, пришлось прожить на старых финансовых запасах: школьники ушли на каникулы, а новому дому требовалось обустройство. На вещевом рынке, что занимал весь первый этаж дома культуры «Корабел», они купили дешевую стиральную машину, домашнюю утварь и кое-какую одежду: зимние вещи, костюм и пару рубашек для Аркадия Леонидовича и несколько блузок и длинных юбок для Карины. Потом попытались поближе познакомиться с городом, но для прогулок был только парк, а перечень предлагаемых развлечений, которые могли бы их заинтересовать, отличался скудостью: драматический театр, где раз в месяц давали постановку классических пьес, кинотеатр и краеведческий музей, располагавшийся в старом деревянном особняке и похожий на дачу небогатого человека, пропитанную печалью, пылью и запустением.

Впрочем, к развлечениям они не стремились.

В конце августа началась подготовка к учебному году, а первого сентября Аркадий Леонидович приступил к преподаванию в «единице» — так в городе называли школу №1. Он

работал пять дней в неделю, кроме четверга и воскресенья, Карина — сменами, два через два, и в те дни, когда оставалась дома, их маленькая квартира наполнялась уютными запахами домашней еды, тепла, от которого запотевали стекла в ветхих оконных рамах, и негромким бормотанием телевизора. Они ужинали, разговаривали, иногда он читал ей вслух или рассказывал что-нибудь; потом они раскладывали диван и ложились спать.

Это была очень хорошая жизнь.

Они оба нуждались в отдыхе; в восстановлении; им обоим требовалось время, чтобы научиться жить заново, привыкнуть к нормальному человеческому существованию: Карине, у которой никогда не было семьи и дома, и Аркадию Леонидовичу, который их потерял. То, что он был почти вдвое старше — его сорок девять против ее двадцати шести, — только укрепляло их союз. Никогда и ни при каких обстоятельствах Карина не подпустила бы к себе близко молодого, развязного человека, а Аркадий Леонидович был для нее не только мужчиной, но и отцом, старшим другом, защитником, сильным и мудрым. И он тоже любил ее именно так: как старший друг, отец, как защитник, и это чувство постепенно заполняло пустоты в душе.

Оба были счастливы.

Разумеется, ни о какой интимной жизни в обычном понимании этого слова не могло быть и речи. У Карины сама мысль о сексе с мужчиной вызывала даже не отвращение, а ужас, смешанный с яростью, и переступить через себя она пока не могла. Аркадий Леонидович тоже нуждался во времени, чтобы сгладилась хоть немного кошмарные воспоминания о последнем интимном опыте. Так что секс не случился; зато была нежность, проявляющаяся в прикосновениях, легких поцелуях, от которых замирает дыхание, в объятиях, которые они не разжимали, даже засыпая; и что-то еще, терпеливое, любящее, чему трудно дать определение.

Хотела ли она его? Да, несомненно, хотя и не знала, как это выразить и что нужно делать. И боялась: не его, а себя, собственной неуклюжести, неуверенности, а еще — не справиться со страхом, который могли вызвать прикосновения

пусть и любимого, но мужчины, и с тем, что может за этим страхом последовать.

Хотел ли он ее? Несомненно. В этой почти отцовской нежности, которую он испытывал к ней, было нечто возбуждающе постыдное, то, от чего бросало в краску при одной мысли о сексе с Кариной, даже при мысли о том, чтобы увидеть ее обнаженной: белая гладкая кожа, стройная, но по-женски округлая фигура, широкие бедра, маленькая, аккуратная грудь, и еще длинные черные волосы, и острый носик, и эти огромные темные глаза под густыми бровями... Всеу свое время, думал он. Их близость проявлялась и в том, что они оба без слов понимали: всеу свое время, и были благодарны друг другу за это. Нужно было осознать, привыкнуть, понять: теперь такая жизнь — навсегда.

А пока был сентябрь, холодный воздух пах морем и опавшей листвой, дома — уютный желтоватый свет, и ароматы еды, и разговоры, и тепло рук, и радость во взгляде, когда они видели друг друга. Скрипел, словно сетуя на непосильные для собственной дряхлости упражнения, раскладной диван, и они по очереди шли в душ, где Карина обычно очень долго стояла под горячими струями, безуспешно пробуя смыть небольшой темный знак в виде перевернутого трезубца на внутренней части бедра. Она понимала, что мочалка и мыло тут не помогут, но все терла, пока покрасневшая кожа не начинала саднить. А потом выключала воду, надевала пижаму и ложилась в постель.

Да, это была очень хорошая жизнь.

Субботним вечером, в последний день первой рабочей недели в школе, все было как обычно. С тускло-серого неба сочился мелкий дождик, под ногами скользили прилипшие к асфальту раскисшие мокрые листья, по улице Красных Матросов проходили, втянув голову в плечи и опустив глаза, редкие пешеходы. Аркадий Леонидович привычно нашел взглядом окно кухни рядом с дверью в подъезд — оно светилось желтым и теплым — и вошел в дом. Дверь напротив его квартиры была приотворена. Длинный, нескладный парень с нечесаными кудрявыми космами стоял в дверном проеме и смотрел прямо перед собой. Когда Аркадий Леонидович увидел его в первый

раз, еще в мае, едва они тут поселились, то даже испугался немного: стоит человек в приоткрытой двери и смотрит, не сводя глаз. Парень был явно не вполне нормален, и первое время Аркадий Леонидович опасался поворачиваться к нему спиной, открывая квартиру: казалось, что тот сейчас заорет и набросится сзади. Потом он познакомился с матерью молодого человека, неопрятной пожилой женщиной с диковато закрученными на голове седыми космами; к разговорам она была не очень-то расположена, но сказала, что сына ее бояться не нужно: он дурачок, но мирный. Так и сказала — дурачок. Когда она выходила из дома, он иногда открывал дверь и смотрел. Ждал маму.

— Привет, — сказал Аркадий Леонидович и, не дожидаясь ответа, достал ключ и отпер дверь.

— Получилось? — осклабился идиот.

Он всегда задавал этот вопрос. Аркадий Леонидович не знал почему.

— Да, все в порядке, — ответил он ему, как обычно. — Все получилось.

В тот вечер после ужина они читали «Песнь о Нибелунгах». Интересных фильмов по телевизору не было — Аркадий Леонидович и Карина смотрели только кино или программы о культуре, никаких шоу, а особенно никаких новостей — еще один пункт их негласного договора, как и отсутствие дома подключения к Интернету. Старый телевизор уверенно принимал только три или четыре канала, так что тихие вечера, без фильмов и передач, случались часто. Еще летом Карина предложила Аркадию Леонидовичу преподавать ей зарубежную литературу — то ли в шутку, то ли всерьез, но идея прижилась: ей было интересно слушать, а ему — читать и рассказывать. К августу они закончили с древнегреческим эпосом и античными трагедиями и взялись за европейское средневековье. Сегодня очередь была за пятой авантюрой: «Как Зигфрид впервые увидел Кримхильду».

...Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.

Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
 Что руку пожимает она ему порой,
 Но не могу поверить, что скрыть ей удалось
 Любовь, которую в нее вселил отважный гость...¹

Карина слушала будто сказку.

Ровно в одиннадцать они легли в постель и выключили свет. Минут через пять в квартире над ними послышались сначала тихие, потом громкие скрипы, а затем все учащающиеся глухие удары, протяжные стоны и глухое кряхтение. Это тоже было своеобразной традицией дома, как встречающий маму умственно отсталый парень на лестничной площадке. Поначалу они немного смущались, слушая в тишине недвусмысленные звуки, несущиеся с верхнего этажа, потом смеялись, а после привыкли и даже беспокоились, если соседский коитус задерживался позже обычного. Но в этот вечер и половая жизнь жильцов на втором этаже состоялась по расписанию: удары все учащались, как будто разгонялся, набирая обороты, какой-то механизм, стоны перешли в рычание и крики, завершившись пронзительным воплем. Пять минут, как обычно. Тишина.

А в два часа ночи Карина проснулась, открыла глаза и поняла, что оказалась не дома.

Вообще ни ей, ни Аркадию Леонидовичу не снились кошмары, хотя этого можно было бы ожидать. Ни обгоревших, изуродованных тел, ни падения в темную реку в разбитом автомобиле, ни крови, ни дымящего пламени; забылись длинные тени в углах, огонек черной свечи и в ужасе бьющийся человек, привязанный к железной кровати. Прошлое будто бы потеряло их, сбившись со следа. Но в ночь на воскресенье, в тот самый момент, когда ковш экскаватора со скрежетом врезался в каменную кладку древнего капища, Карина неожиданно для себя увидела вместо ставших привычными стен, оклеенных бледно-зелеными обоями, нечто другое: сырая кирпичная кладка, низкий тяжелый потолок, шершавый каменный пол, холодящий спину сквозь тонкую ткань пижамы.

¹ Перевод со средневерхненемецкого Ю.Б. Корнеева.